

УДК 159.9+316[6+4]

**ЯВЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ
КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ, АНОМИИ И РЕПРЕССИЙ
НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА
В ПОСЕЛКЕ МАРХЛЕВСК (ДОВБЫШ)**

Станишевская Ж.

В статье дается обзор истории населения Польского национального района имени Юлиана Мархлевского (поселок Довбыш, Житомирская область, Украина). Автор исследует психологические факторы, повлиявшие на сохранение культуры, веры и самобытности польской общины в период репрессий 1920-30 гг. В статье рассматривается и анализируется феномен внутренней психоклонической миграции, как один из факторов сохранения национальной и личностной самоидентичности.

Ключевые слова: внутренняя психологическая миграция, национальная идентичность, аномия, конформизм, самоактуализация, фенотип.

**PHENOMENON OF THE INNER PSYCHOLOGICAL MIGRATION
AS THE FACTOR OF THE NATIONAL IDENTITY PRESERVATION
IN A PERIOD OF SOCIAL CRISES, ANOMIA AND REPRESSIONS IN
CASE OF THE POLISH SETTLEMENT MARCHLEWSK (DOVBYSH)**

Staniszewska Ż.

The article gives a review of the population history of the Polish National Region named after Julian Marchlewski (settlement of Dovbysh, Zhitomir province, Ukraine). The author explores the psychological factors affecting the preservation of culture, religion and identity of the Polish community in the period of the repressions 1920-30 years. The article researches and analyses the phenomenon of internal psychological migration as a factor in preservation of national and personal self-identity.

Keywords: psychological internal migration, national identity, anomie, conformity, self-actualization, phenotype.

Глобализация общества и развитие межнациональных экономических связей способствуют трудовой миграции населения во всем мире. Человек, имея в своем арсенале определенные знания, умения и навыки старается применить их там, где они приносят пользу непосредственно ему самому и окружающему его социуму (семье, предприятию и пр.). Знание языков и межкультурное общение сегодня сделали возможным для человека выбирать место, где он может развить и применить свои способности, получая личностное удовлетворение, возможность профессионального роста, приобретение благосостояния и дальнейшее развитие.

Несомненно, что переезжая на новое место, человек попадает в иную для него среду обитания, к которой должен приспособливаться. Когда эмигранту не удастся почувствовать себя комфортно в новой среде, когда он не справляется с определенными чувствами и постоянно живет воспоминаниями о своей прежней жизни, это называется «кризисом пересадки корней». Человек, находящийся в состоянии «кризиса пересадки корней» с трудом осваивает иной язык, тяжело привыкает к новым для него социальным и культурным требованиям. Ему требуется приложить определенные усилия, для того, чтобы психологически справиться с возникшими трудностями и использовать свою витальную активность для улучшения самочувствия.

Всегда ли удастся человеку приспособиться к новому обществу, к новым обстоятельствам, присвоить или освоить новую для себя культуру, не прибегая к таким психологическим защитам, как, например, «конформизм» или «нонконформизм»? Понимая неэффективность такого поведения, человек может сделать выбор и вернуться в ту среду, из которой он выехал, и продолжить ту жизнь, к которой он привык. А в случае невозможности возвращения? Или в случае, когда в самой среде, в которой живет человек, происходят изменения, кардинально меняющие ее и реэмиграция, как способ

вернуться в привычную жизнь становится невозможной? Таковые случаи повсеместно встречаются в истории человечества: завоевание одного государства другим и отсюда поглощение одной культуры иной, одного способа жизни другим. История имеет множество примеров, когда определенная группа людей оказывалась в ситуации кардинального изменения условий существования. Завоевания, революции, государственные перевороты, зачастую коренным образом перестраивают весь общественный строй, меняют политические, социальные, экономические отношения людей.

Сегодня исследователи пишут о том, что взятый на вооружение некоторыми государствами лозунг «одна страна, один язык, общая культура», начинает играть роль исключительно умозрительной декларации. Социологи вводят в научный обиход такие понятия, как «транскультурный», «личная родина», «региональное самосознание», пытаются описать сложные и порой «нерациональные» отношения между разными этническими группами, живущими в одной местности и «упрямо» не оставляющими своих обычаев и национальных особенностей. Исследователи общественных явлений приходят к выводу, что перемешать, растворить, сделать универсальными, подчинить «глобальной деревне» культурные и духовные особенности отдельных народов не так просто.

Какими же личностными инструментами пользуется человек, для того чтобы выжить в изменившихся условиях? Какие возможности использует? Здесь уже упоминалось о двух способах реакции на состояние дискомфорта в социуме – «конформизм» и «нонконформизм».

Конформизм – подчинение тому способу жизни, который принят в данном обществе. Конформизм может быть полным и показным. Нонконформизм – открытое непринятие того образа жизни, который принят в данном обществе. Нонконформизм зачастую связан с девиантным поведением и проявляется в поступках, противоречащих общественным нормам, принятым в данном обществе и приносящим материальный или физический урон членам сообщества. Обе этих формы поведения считаются защитными реакциями,

тормозящими развитие личности. Но наряду с ними можно выделить и третий тип реакции – внутренняя психологическая миграция, когда человек не выступает активно против изменившейся условий среды, а как бы сохраняет свою привычную среду внутри себя. Не отрицая общих перемен, понимая, что люди вокруг живут иной жизнью, внутренний мигрант не проявляет агрессии к этим людям, налаживает с ними связи на определенном уровне (производственные, экономические, добрососедские), однако внутренне продолжает мыслить, чувствовать, реагировать примерно так же, как до наступивших перемен.

Внутренняя психологическая миграция заставляет личность, как моллюск сохраняет жемчужину в своей раковине, сохранять свои убеждения, эмоции, предпочтения. Если среда, в которой живет этот человек, приветствует культурное, ментальное, религиозное разнообразие, то внутренний мигрант постепенно раскрывается и обогащает социум, внося в него свой опыт, потенциал и помогая ему развиваться. А если эта среда является враждебной к внутреннему мигранту, то он психологически старается отстраниться от нее. Чтобы не проявлять противоречия с окружающей средой и не подвергать опасности себя и свою семью, внутренний эмигрант уничтожает все внешние маркеры, по которым можно узнать «инакомыслящего».

Зачастую, воспоминания и чувства являются единственными, из того, что сохранил такой человек от прежней жизни. Об этом свидетельствуют исторические документы, описывающие события, происходившие в Украине в 20-40 годах прошлого века, когда множество людей, оказавшихся в водовороте социально-политических потрясений, были вынуждены уходить во «внутреннюю эмиграцию», так как были признаны «вредителями», «куркулями», «подкуркульниками», «буржуазными элементами», «фашистами», «ненадежными элементами» и пр. Спасаясь от репрессий, многие избавлялись от предметов быта, документов, фотографий, которые сотрудниками ревкомов (революционных комитетов) [2] могли быть сочтены как доказательство неблагонадежного происхождения или инакомыслия.

Во внутреннюю миграцию на долгие годы ушли многие сообщества, проживавшие на территории СССР. Таким примером внутренней психологической миграции является польская община, жившая на территории Житомирской области в поселке Довбыш. В первые годы советской власти большевики пытались привлечь на свою сторону национальные меньшинства. Особыми постановлениями ЦИК (Центрального исполнительного комитета) с помощью Комиссии по национальным меньшинствам, в Украине и других республиках СССР образовывались национальные районы.

Соответствующими решениями большевистских властей было выдвинуто постановление «О выделении национальных районов и советов». По докладу Центральной административно-территориальной комиссии (ЦАТК) сессия ВУЦИК (Всеукраинского центрального исполнительного комитета) приняла резолюцию создать Польский национальный Мархлевский район. С 1925 по 1935 в поселке Довбыш был организован Польский национальный район имени Юлиана Мархлевского. Район был образован в 1925 году в составе Житомирского (с 1926 года – Винницкого) округа УССР. В 1930 году район перешел в прямое подчинение УССР, а в 1932 году вошел в состав Киевской области. В 1926 году в районе Мархлевска (Довбыша) проживало около 42 тыс. жителей. Из них около 73% – поляки, около 17% – украинцы и около 7% – немцы и др. В районе было 55 польских школ, 80 библиотек. Газета «*Marchlewszczyzna Radziecka*» (Советская Мархлевщина) на польском языке выходила тиражом 25 тысяч экземпляров. До начала коммунистических репрессий в 1930-х годах в районе действовали три католические церкви, две часовни, работало четыре католических священника, было зарегистрировано 15 римо-католических общин [7, с. 146-155].

Большинство поляков, живших на этой территории с давних времен, привыкли к определенному укладу жизни и не желали его менять. На призыв строить «светлое будущее» откликнулась только часть рабочих, однако и те не полностью разделяли большевистские взгляды. Большевики вели активную коммунистическую агитацию в районе. Наука, искусство, обучение – все это

должно было служить целям новой власти [5]. Организовывались школы, в которых широко велась советская пропаганда. Подбор учителей в школы контролировался Народным комиссариатом образования. Вместе с тем, власти старались отвлечь верующих от церкви. Однако члены польской общины продолжали посещать Мессы, участвовать в жизни католического прихода. Священники проводили катехизацию для детей и молодежи. Историки отмечают, что представители польской шляхты, (а таковых в районе было немало), сохраняли документы и гербы, подтверждающие их дворянское происхождение.

Создавалось положение, когда культурные, ментальные, бытовые особенности местной общины входили в противоречие с тем образом жизни, который пыталась навязать власть большевиков. Соглашаясь на коллективное ведение хозяйства в районе, поляки, тем не менее, не хотели расставаться со своими исконными традициями, менять свое отношение к обычаям и образу жизни. Важным психологическим фактором, влиявшим на сохранение самобытности польского народа, является приверженность поляков-католиков к церковному приходу. Немалая часть жизни верующего католика проходит в костеле: воскресные Мессы, церковные праздники, катехезы, участие в молитвенных кружках, кружках по изучению Библии, благотворительная деятельность, забота о содержании и украшении костела и пр. Ярким примером неразрывной связи светской жизни католика с религиозными обязанностями является подготовка к первому Причастию и принятие первого Причастия. Этот праздник торжественно отмечается в церкви и празднуется в кругу семьи и друзей.

Разные слои польского населения так же имели свои психологические черты. Интеллигенция говорила на правильном польском языке и в обращении применяла обращение «пан, пани». Эта особенность языкового обращения до сих пор принята в Польше и выражает почтение к собеседнику. Среди польского населения, в особенности в сельской местности при встрече было принято христианское приветствие: «*Niech będzie pochwalony Jezus Chrystus!* –

Na wieki wieków. Amen» (Слава Иисусу Христу! – На веки веков! Аминь). Таким образом, среди поляков сохранялись связи солидарности и взаимопомощи.

Для укрепления своего влияния в районе, советская власть старалась вовлекать в активную агитационную и организационную деятельность представителей польской общины. Одним из зачинателей и вдохновителей создания Польского национального района имени Юлиана Мархлевского был Ян Саулевич, сын польского мелкого шляхтича (дворянина). С 1923 года Саулевич – сотрудник отдела национальных меньшинств НКВД УССР, в 1924-1930 годах – член, впоследствии заместитель председателя Центральной комиссии Национального Меньшинств (ЦКНМ) при ВУЦИК. В 1934 году Саулевич был арестован по «делу» так называемой «Польской Военной Организации» (ПОВ) и обвинен в «масштабной подрывной деятельности». Он был осужден к «высшей мере наказания» и расстрелян. Нужно заметить, что в контрреволюционной деятельности были так же обвинены и другие представители польской общины Мархлевского района. НКВД начало широкомасштабные «расследования» и репрессии. У всех осужденных обязательно происходила конфискация личного имущества [7, с. 155-176].

Кардинальные изменения в национальной политике большевиков начались с 1933 года. В меморандуме Культпропу ЦК КП(б)У «О работе среди польских трудящихся масс УССР» (8 сентября 1933 года) отмечалось: «Упадок работы среди польских трудящихся, нехватка большевистской бдительности в условиях заострения классовой борьбы и рост активности куркульских, клерикальных, националистских элементов, агентов польского фашизма, усилили влияние буржуазно – националистских элементов на польских трудящихся... 13 октября 1933 года Оргбюро ЦК КП(б)У признало состояние дел с «работой среди польских трудящихся масс», неудовлетворительным, приняв решение в месячный срок «разработать и дать на утверждение Политбюро ЦК конкретные меры для обеспечения решительного перелома и усиления работы среди польских трудящихся Украины». Отделам ЦК КП(б)У

поручалось «...укрепить польских работников, работающих на культурном фронте» (клубных работников, учителей и др. – Ж.С.) и «на руководящих постах в колхозах, сельсоветах, райвоенкоммах» [3, с. 10].

Строительство нового пролетарского общества действительно продвигалось в районе не так быстро, как хотели того члены Политбюро. Несмотря на атеистическую и антибуржуазную систему образования, организованную советами, молодежь не спешила вступать в комсомол, дети продолжали петь в церковном хоре. Священник оставался авторитетной личностью среди польской общины, т.к. он играл роль не только духовного лидера, но и социального консультанта. К нему обращались по психологическим вопросам – он помогал решить конфликтные ситуации в семье, давал советы в трудных вопросах воспитания, лаживал споры между соседями, а так же являлся «третейским судьей» между разными сословиями. Эта система взаимоотношений имела глубокие корни в ментальности и традиционном миропонимании поляков. Духовная и религиозная жизнь у них тесным образом переплеталась с бытом, светскими отношениями, отношением к труду, материальным благам и пр. Удалить одну из этих составляющих означало расколоть цельную личность, выбить кирпич из пирамиды базовых жизненных потребностей. Большевицкая власть своими действиями отрицала неразрывную связь этих потребностей и применяла репрессивные меры для того, чтобы заставить людей отказаться от того образа жизни, который создавал основу самобытности характера [6].

В связи с этим, ГПУ НКВД сфабриковало дело о «подпольной Польской Военной Организации», якобы действовавшей на территории Украины. Это дало возможность НКВД для масштабных арестов. В 1933-1934 годах за принадлежность к «Польской Военной Организации» (ПОВ), Киевским областным управлением ГПУ УССР было арестовано 114 человек, из которых 70 человек получили значительные сроки тюремного заключения или были казнены. Всего за эти годы по делу причастности к ПОВ, «прошло» больше 500 человек. 8 июля 1933 года, руководитель ГПУ УССР В. Балицкий отослал в ЦК

ВКП(б) И. Сталину и заместителю главы ОГПУ Г. Ягоде меморандум о первых шагах его ведомства относительно выявления на территории Украины «Польской Военной Организации»: «Нами раскрыта и ликвидируется «Польская Военная Организация» (...), проводившая широкую шпионскую и контрреволюционную националистическую работу на Украине [...]. Созданная в свое время Пилсудским (...) – ПОВ за последние годы развила большую активность в своей работе. Нами пока арестовано 22 участника организации (...). По их показаниям, работой ПОВ руководит центр, который находился раньше в Киеве, затем в Минске, а сейчас в Москве» [3, с. 15-16].

Представителям польской общины инкриминировалось ведение националистической и религиозной пропаганды, вредительской и «разложенческой» деятельности среди поляков, военный и экономический шпионаж, диверсии и пр. Католическим священникам-полякам было предъявлено, кроме прочих, обвинение в связях с врагами СССР за границей.

Поскольку большевистским лидерам не удалось добиться полного подчинения всей сущности человека, и, не имея в арсенале своих подходов средств к изменению всего человека, его психологической, физиологической, духовной сущности, исчерпав пропагандистские методы воздействия, они вынуждены были прибегнуть к репрессиям. Отрицая духовную составляющую человека, высшие его потребности – самоактуализации в юнговском понимании самости, большевистские лидеры в своей ограниченности были способны воздействовать только на низшие потребности человека. И в этом наиболее «несговорчивым» сословиям для них являлись, шляхта, духовенство и интеллигенция [7, с. 145-150]. Очевидцы тех событий говорят, что «воронки» приезжали ночью и забирали из домов мужчин, увозя их в неизвестном направлении. Многие из них были расстреляны за пределами населенных пунктов. Начались массовые высылки местных поляков в Сибирь и Казахстан [8].

Зачастую, люди не успевали взять с собой никаких вещей в дорогу и по прибытии на место ссылки оказывались в самом тяжелом материальном

положении. В Казахстане значительная масса населения оказалась просто посреди голой степи. Люди были вынуждены рыть землянки, для того, чтобы как-то укрыть себя и своих детей от непогоды. Власти объявляли, что в этом месте будет организован колхоз. По мнению коммунистов, «целина должна быть поднята любой ценой». Не только интернированные члены польской общины оказались в тяжелых условиях морального и психологического давления. Те, кто остался в Мархлевском, в глазах советских властей были «неблагонадежными элементами». Сталин заявил, что «куркуля» (собственника) необходимо ликвидировать как класс. Идеологический контроль со стороны коммунистов оказывал мощное давление на тех, кто оставался собственником, и не вошел в колхоз [1]. Под страхом репрессий люди продавали свое имущество или сдавали его колхозу. Крестьяне массово покидали свои села. Часть польских семей уезжала в поисках работы на Донбасс. Некоторым удалось бежать в Польшу или Румынию.

Политика «насильственного интернационализма», которую начал активно претворять в жизнь Сталин, повлекла за собой запрет говорить на родном языке. Многие национальные меньшинства предстали перед выбором – раствориться в общей массе советского пролетарского общества, каким его видели большевики во главе с «отцом народов» или подвергаться далее репрессиям. В школах отменяли уроки родной речи. Дети не имели возможность учить тот язык, на котором говорили в семье.

Вначале своего образования польский социалистический Мархлевский район имел газеты, журналы, книги на польском языке. В школах на польском языке детям преподавали уроки атеизма. Разрабатывался даже «особый» польский алфавит – из алфавита большевистские агитаторы удалили несколько букв – «как слышим, так и пишем». Во многих государственных учреждениях были вывешены плакаты на польском языке, призывающие бороться с «куркулями» и «церковниками».

В 30-е годы советские власти начали проводить политику уничтожения всех польских письменных изданий, в школах запретили уроки польского

языка, за наличие в доме газеты на польском языке человек мог оказаться в тюрьме. Что значит для человека знать, кем он является и не быть в состоянии открыть себя миру? Жить и действовать иначе, чем подсказывает его сущность, его самость (нем. *Selbst*– «я», по К. Юнгу)? Ответ на этот вопрос можно найти в Библии, в 136 псалме «На реках вавилонских», который представляет собой песню еврейских изгнанников, томящихся в вавилонском плену после падения Иерусалима и разрушения Первого Храма: «если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя».

Польская сельская община пыталась оказывать сопротивление. Ширилась антиколхозная агитация, зачастую активное участие в ней принимали женщины. Иногда акциями противостояния были крестные ходы. Несмотря на то, что в Мархлевском районе закрывались часовни и костелы, была под запретом христианская символика, прихожане из польской общины продолжали вести религиозную жизнь, хотя она приобретала все более подпольный характер. Психологически жители польской общины «уходили» во внутреннюю эмиграцию.

Власти, организовав антикатолическую польскую секцию, пытались завлечь в нее как можно больше поляков. Боясь пыток, расстрелов и депортаций, польское население Мархлевска в 1930 годах уже не оказывало открытого сопротивления властям, однако и не оставляло религиозной жизни и привязанности польской культуре. Верующие католики собирались на кладбище (на освященной земле), так как храмы были разрушены, молились, собираясь в домах, организовали общество терциариев (конгрегация светских христиан). По словам очевидцев и участников событий, для участия в Мессе и для конспирации, поляки ходил друг к другу в гости, принося цветы, подарки, бутылки, что для постороннего наблюдателя означало празднование дня рождения или другого праздника. Служебные одежды священника так же прятались в доме надежного прихожанина, и ксендз приезжал в светской одежде. Некоторые из этих священников тайно заканчивали подпольную семинарию в Украине, другие приезжали из Литвы. Дети, уже не имевшие

возможность брать уроки религии в костеле, учились дома по молитвенникам. Сегодня много людей польского происхождения свидетельствуют о том, что научились читать по-польски благодаря «бабушкиным» молитвенникам. Такие маленькие потрепанные молитвенники есть во многих семьях поляков, живущих в Украине. Они переходят из поколения в поколение как реликвии. «Переходит по наследству» и рефлексия своей национальной идентичности. Глубоко спрятанная в процессе внутренней психологической эмиграции, она вновь проявилась у потомков участников тех событий в приверженности к своему языку, вере и образу мышления. Сохраненная в глубине личности культура, самобытность народа сегодня продолжает свое развитие.

Во время массовых репрессий и депортаций, польское население делилось на три группы. Одной из таких групп были маленькие дети. Их забирали из семей и определяли в детские дома, отрывая тем самым от корней. Две другие группы – мужчины и женщины либо отправлялись в Казахстан, либо уничтожались физически [9].

В 1935 году Мархлевский район был поделен на части и присоединен к другим территориальным единицам. Ни в советской прессе, ни в литературе, печатавшейся на территории СССР, не было указаний на существование большевистского эксперимента под названием «Польский национальный район имени Юлиана Мархлевского». По мнению коммунистических властей, этого должно было быть достаточно, чтобы уничтожить культуру и духовность польской национальной общины Довбыша [7, с. 150-176].

После падения коммунистического режима, польская община Довбыша вышла из подполья. Было заново организовано и возобновило свою деятельность польское общество. Был построен новый костел, католическая приходская община ведет в этой местности активную духовную и социальную жизнь. Региональные польские общины поддерживают дружеские связи с другими национальными общинами. Проводятся совместные межкультурные мероприятия.

Сохранившаяся во внутренней миграции польская культура, духовность и обычаи снова нашли свое место среди украинского общества и вносят свой вклад в развитие современной Украины. Последнее касается не только польской общины, но и многих национальных сообществ, проживавших на территории бывшего СССР и подвергавшихся преследованиям за этническую принадлежность и религиозные убеждения, таких как украинцы, немцы, евреи, татары, караимы и другие народы, сохранившие свое право быть самими собой.

Подводя итог, следует сказать, что психологическая потребность к принадлежности определенному сообществу, как пишет в своих исследованиях А. Маслоу, глубоко укоренена в психике человека и в основе своей имеет инстинктивные корни. Эту потребность можно подавить, однако она всегда дает о себе знать, что подтверждается множественными историческими примерами. «Способность совершать выбор между высшим и низшим, между сильным и слабым заложена в самой природе организма... Угроза для высших потребностей не вызывает таких отчаянных реакций самозащиты, как угроза для удовлетворения низших, поэтому высшие потребности, при неудовлетворении низших не обращаются к нам так «громко» [4, с. 109-117].

Голод, пытки, страх смерти, страх за своих близких – все это заставляет человека скрывать свои угнетаемые потребности, однако, они продолжают говорить в человеке, заставляют личность искать выходы их сложившейся ситуации. Одним из таких «выходов» является для многих *внутренняя психологическая миграция*. С ее помощью, человек сохраняет не только воспоминания о своих корнях, о том образе жизни, которые повлияли на его развитие, сделали его тем, кем он является, но и сохраняет себя как цельная, независимая личность. Внутренняя психологическая миграция помогла многим людям пережить годы депривации духовности, веры и культуры, явилась барьером для разрушения самоидентичности.

А. Маслоу в своей работе «Мотивация и личность» писал: «Жизнь на более высоких мотивационных уровнях означает большую биологическую эффективность, большую продолжительность жизни, меньшую

подверженность болезням, лучший сон, аппетит и т.п. Исследования в области психосоматики показывают, что следствием тревоги, страха, отсутствия любви, деспотизма и пр. становятся крайне нежелательные физические и психологические последствия... Удовлетворение высших потребностей в конечном итоге не только повышает жизнеспособность организма, оно служит его росту и развитию» [4, с. 109-117].

Список литературы:

1. Бачинский П.П., Сергиенко А.А. Эммануил Ионович Квириг. Киев: Изд. политической литературы Украины, 1989.
2. Бугай Н.Ф. Ревкомы, научно-популярный очерк. М.: Изд. политической литературы, 1981.
3. Кокін С.А., Подкур Р.Ю., Рубльов О.С. Справа «Польської Організації Військової» в Україні. 1920-1938 рр. Київ: Головна редколегія науково-документальної серії книг «Реабілітовані історією», 2011.
4. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 2001.
5. Морозов В.А. Владимир Петрович Затонский. Киев: Изд. Политической литературы Украины, 1988.
6. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982.
7. Рубльов О.С. Ян Саулевич (1897-1937): біографія «хрещеного батька» Мархлевського району у контексті репресій 1930-х років // Історія України. Маловідомі імена, події, факти (Збірник статей). Київ Інститут історії України НАН України, 2007. Вип. 34.
8. Титова Н.В. Українське та польське населення Поділля: Проблеми міжнаціональних відносин у прикордонному регіоні УРСР (1920 – 1930-ті роки): автореферат дис. ... канд. істор. наук. Ін-т історії України НАН України. Київ, 2009.
9. Тронько П.Т., Реєнт О.П. Реабілітовані історією: у 27 т. Житомир: Полісся, 2006. Т. 1.

Сведения об авторе:

Станишевская Жанна – докторант Опольского университета (Ополе, Польша).

Data about the author:

Staniszewska Żanna – Doctoral Candidate, University of Opole (Opole, Poland).

E-mail: reseaps@yandex.ua.